

УДК 394
Д43

Дзякович Елена Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры социальных коммуникаций
Поволжской академии государственной службы
имени П.А. Столыпина, г. Саратов
dzelena@mail.ru**ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОВИНЦИИ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО, МЕНТАЛЬНОГО
И КРОССРЕГИОНАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА****Аннотация:**

Данная статья посвящена анализу современной провинции как социокультурного и социоментального феномена. В работе рассмотрены различные аспекты, связанные со становлением и трансформацией провинции в современном региональном и кроссрегиональном континууме, затронуты проблемы социального проектирования в провинциальной среде, а также взаимосвязь между локальной идентичностью и провинцией.

Ключевые слова: провинция, регион, социокультурное пространство, ментальное пространство, местная идентичность, трансформация, социальное проектирование, центр, столица.

В России всегда было значимо противостояние, условно говоря, Центра и Провинции. Это объясняется как историей страны, так и ее территориально-климатическим разнообразием. В условиях же современной России огромную роль играют понятия федерального центра и региона. В данном исследовании под регионом понимается субъект Российской Федерации, подотчетный федеральному центру и имеющий свой, региональный центр. Следовательно, понятия «региональная» и «местная идентичность» (ключевые для исследования) могут находиться между собой в различных отношениях.

Современные исследователи рассматривают феномен «провинция» и само слово «провинция» с различных точек зрения. Так, в частности, Н.М. Инюшкин отмечает: «Само словопонятие при этимологическом взгляде на него способно выявить такие первоначальные смыслообразовательные значения, которые неожиданно помогают современному пониманию многоликого феномена провинции» [1, с. 16].

Неудивительно, что сам феномен провинции, особенно применительно к российским условиям, приобретает сложное социокультурное и социоментальное содержание. «Что стоит за расширением семантического информационного поля слова «провинция»? Некая мистика, лингвистическое прозрение или все же возможно объяснение судьбы понятия, прочно занявшего место в разряде нарицательной лексики?» [2, с. 17] – задается вопросом Н.М. Инюшкин. Ведь провинция как административно-территориальная единица существовала в Российской империи 1719–1775 гг. Деление губерний на провинции было законодательно закреплено 29 мая 1719 г. указом Петра I «Об устройстве губерний и об определении в оныя правителей» [3]. Затем 7 ноября 1775 г. деление губерний на провинции было отменено. И сейчас за этим понятием, как правило, стоит разговорное название периферийных районов страны по отношению к центру в странах, ориентированных вокруг единого центра.

Однако даже в бытовом, обиходном употреблении это слово содержит в себе не столько концепт пространства, сколько концепт, включающий в себя целый сложный и разноплановый комплекс ментальных характеристик. Следовательно, говоря о локальных идентичностях в социокультурном пространстве современной России, нельзя оставить в стороне феномен провинции.

«Провинция – относительно самодостаточная внутренняя зона системы культурных ландшафтов страны, удаленная от ее краев и крайностей; зона средняя во всех отношениях. Провинция – это то, что явно не центр и не периферия и располагается между ними в географическом и смысловом пространстве», – отмечает В. Каганский [4]. При этом следует заметить: «средняя» – отнюдь не означает «усредненная», говоря бытовым языком, «никакая» территория. Более того, провинция только тогда сможет выполнить свою особую социокультурную

функцию, когда она будет обладать целым рядом факторов, подчеркивающих именно ее местную уникальность и неповторимость.

К роли провинции в социокультурной, духовной и административной жизни страны обращался еще Н.А. Бердяев, в работах которого тема «необъятных русских пространств», «огромной русской земли», звучит не раз. Более того, эта тема становится даже названием его известной статьи «О власти пространства над русской душой» [5].

Затем, в конце двадцатых годов прошлого столетия известный историк литературы и культуры Н.К. Пиксанов писал: «Русская культура – одна из самых провинциальных культур Европы» [6, с. 19]. При этом исследователь, многое сделавший для практического изучения феномена провинциальной культуры и ее особенностей, не склонен поляризовать эти понятия или драматизировать их взаимоотношения: «И допетровские культурные центры опирались не только на политическую независимость; скорее она сама была производной от других сил и условий. Географические особенности, своеобразие в организации народного хозяйства давали более устойчивые основы культурному обособлению. Но ведь они сохранили свою силу и власть и в новое время, и их новые сочетания могли вести и к новообразованиям областной культуры» [7, с. 19].

При этом необходимо учитывать особый, специфический именно для России фактор – фактор пространственно-территориальный в прямом, географическом его понимании. Отсюда неизбежно возникает вопрос о формах взаимодействия Центра и Провинции. «Словом, постоянно имея в виду несомненное, многостороннее, монологическое и диалогическое влияние центра на провинцию, не будем забывать исходный принцип синергетики – развитие системного объекта есть саморазвитие, то есть процесс, детерминированный изнутри, а не только извне» [8, с. 19], – отмечает Н.М. Инюшкин, соединяя, таким образом, различные подходы к пониманию этого сложного социокультурного и социоментального феномена.

В ряде работ как теоретического, так и практико-ориентированного направления можно отметить, что понятия «регион и провинция» употребляются как синонимические: «Наиболее часто употребляема характеристика региона как «провинции». Только оценка этой характеристики может быть абсолютно противоположной» [9, с. 226]. Далее авторы исследования отмечают, что, к примеру, в риторике губернатора Саратовской области Д. Аяцкова «провинциальность» преподносилась как положительный фактор, а в выступлениях президента республики Калмыкия К. Илюмжинова – как фактор негативный. В любом случае достаточно четко прослеживается оппозиция «свой» – «чужой» по отношению к Центру и Провинции/Регионам [10, с. 225–226].

В современных отечественных социально-гуманитарных исследованиях феномена провинции можно выделить два концептуально различающихся подхода. Условно говоря, один из них можно назвать «деревне-центричным», когда основа провинциальной российской социокультурной среды рассматривается как по преимуществу сельская; другой – «города-центричным», когда в основу кладется социокультурная среда малых и средних городов. У каждого из обозначенных подходов существуют свои приверженцы и противники.

Так, в комплексном исследовании Сообщества профессиональных социологов, осуществлявшегося при поддержке РФФИ, «Угорский проект: экология и люди ближнего Севера», представлено первое направление [11]. Исследование, проводившееся на базе Мантуровского района Костромской области, включает в себя уникальные эмпирические и теоретические данные. В целом работа строится, прежде всего, на оппозиции «город – село/деревня», но не оппозиции «Центр – Провинция». «Иногда складывается впечатление, что горожане вообще хотели бы забыть о самом существовании сельской России, просто забыть о ней навсегда, как о большом национальном провале, об Атлантиде, которая погружается на дно цивилизации» [12, с. 5], – метафорически отмечается в предисловии к изданию.

Другой подход, «города-центричный», нашел отражение в упоминавшейся ранее работе Н.М. Инюшкина. «Хронотоп старосветских помещиков внутри себя не содержит идентификатора провинциальности, Провинциальность существует как неосознанная ими. То же самое можно сказать и о деревне – самом населенном и территориально обширном в социально-экономическом, административном, этнокультурном планах компоненте провинции. «Логос» провинции, ее самосознание творит город» [13, с. 23], – подчеркивает исследователь. И далее в работе еще более категоричное утверждение: «От имени российской провинции именно ее города вступают в диалогические отношения с Общероссийским Центром/Столицей. Идентификатор «провинциальное/провинциальный» конституируется не деревней, а городом» [14, с. 23].

Однако, несмотря на некоторую резкость формы выражения, данные эмпирического исследования, проведенного на территории локальной идентичности Прихоперья, подтверждают приведенный тезис. Так, в частности, участники фокус-группы, проведенной (лагерь археологов, расположенный недалеко от с. Подгорное Романовского района Саратовской области, лето

2009 г.) по методике, представленной в работе С.А. Белановского [15], пришли к мнению, что осознание принадлежности к местной идентичности как к социокультурному и территориальному образованию в значительно большей степени присуще городскому населению. У жителей сельской местности социально-рефлексивная деятельность выражена несколько слабее.

Как отмечается в целом ряде исследований, обширная территория России дает все предпосылки для развития местного (во многих работах «регионального» в значении «местного» – Е.Д.) патриотизма, местной идентичности, местных социокультурных традиций, уходящих своими корнями в историческое прошлое территории. При этом делаются определенные попытки институционализации подобного рода явлений, однако эти попытки, как правило, оказываются «крайне слабыми и недолговечными», особенно если используются для организации или консолидации каких-либо политических сил [16, с. 288]. По мнению Р.Ф. Туровского, «тенденции, способствующие развитию регионального патриотизма, чаще проявляются в окраинных регионах России с развитой собственной идентичностью. Главные примеры связаны с Югом (Кубань, Дон), Востоком (Урал, Сибирь, Дальний Восток) и Калининградской областью» [17, с. 288]. При таком подходе понятие местной идентичности (и непосредственно связанное с ним понятие провинции как социокультурного феномена) существенно расширяется, выходя за границы территориального и ментального локуса. Это естественно приводит к тому, что в рамках выделенных макроидентичностей можно отметить также множество значительно более мелких по территориальному охвату и более четко структурированных по своим социоментальным характеристикам локальных идентичностей.

Этот вывод подтверждают данные о политических предвыборных кампаниях. Так, анализируя политические процессы на примере казачества, Р.Ф. Туровский пишет: «На юге России регионализм выражался в развитии казачьего движения, всплеск которого пришелся опять-таки на начало 1990-х гг. При этом возрождение казачьей идентичности в регионе <явно в широком толковании понятия> не привело к созданию сильных организаций протопартийного характера. На всех выборах казачьи атаманы – лидеры движений с громкими «традиционными» названиями терпели сокрушительное поражение (пример «Всевеликого Войска Донского»). Другая часть казачьего движения была ассимилирована «партиями власти», и этот процесс завершился в последние годы в связи с принятием законов о государственной казачьей службе» [18, с. 289–290].

Однако местная идентичность строится далеко не только (и даже не столько) на политических показателях. Если рассматривать локальную идентичность с точки зрения прежде всего социокультурных характеристик, то роль казачества достаточно велика в «низовой», повседневной ментальности жителей соответствующих районов.

Это подтверждают данные эмпирического исследования, проведенного на территории Прихоперья. Так, можно отметить достаточно большое количество материалов, посвященных казачеству, в местных официальных газетах («Балашовская правда», «Урюпинская правда»); популярность казачьих праздников, которые органично вплетаются в «официальные» праздники, например, Дни Города, и проходят с неизменным участием казачьих народных ансамблей. Эти же показатели находят свое отражение и в коммерческой рекламе, которая строится по известному принципу «спрос рождает предложение» и должна быть ориентирована на потребности и интересы целевых аудиторий. Примером тому может служить реклама новой модели сотового телефона, по которому «говорит» молодой мужчина, одетый в донскую казачью форму (г. Новохоперск). Продолжением того же направления можно считать открытие новой линии по производству колбасных изделий (в рамках достаточно известного бренда «Фамильные колбасы») под названием «Хуторок», а также серию торговых точек и кафе с этим же названием – оформление и все логотипы выполнены с элементами стилизации под прихоперский казачий хутор (г. Саратов). И, наконец, спонтанные проявления идентичности, которые отражаются в сети Интернет. В известных социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте») существует большое количество как сугубо «казачьих» групп («Хоперские казаки», «Казаки Дона» и др.), так и «местных», имеющих четкую пространственно-географическую привязку, но, так или иначе, затрагивающих казачью тематику, групп («Новохоперск и Новохоперский район», «Романовка&Балашов» и др.). Методом включенного наблюдения установлено, что группы эти не являются многочисленными (в силу ограниченности причастной целевой аудитории), однако виртуальная «жизнь» этих групп весьма активна, находится на достаточно высоком уровне, фототеки регулярно пополняются, в форуме идет обсуждение различных тем.

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что развитие и трансформации «низовых» локальных идентичностей происходят не в направлении их «политизации», а в направлении, связанном с выстраиванием коммуникативных сетей различного уровня. В связи с этим неизбежно возникают вопросы, связанные с комплексом проблем социального проектирования, разработкой форм и методов, оптимальных в каждой конкретной ситуации.

В связи с этим можно согласиться с выводом М.П. Крылова о том, что современная российская региональная идентичность (в употреблении автора – местная – Е.Д.) «отражает глубинные, долговременные, неконъюнктурные тенденции развития и особенности российского общества. Сила местного самосознания и местного патриотизма – это не отражение (компенсация) комплекса неполноценности, который якобы неминуемо возникает у провинциала под воздействием престижных образов столичных городов и заграницы. Скорее, это – норма и культуры, и поведения индивида» [19, с. 48]. Таким образом, речь идет не столько о географическом понятии провинции, сколько о социокультурном. С таким подходом перекликается мысль В. Каганского о том, что «без обширной зрелой провинции как типа, значительной и существенной зоны культурного ландшафта не может быть полноценного пространства страны, не может быть состоявшейся зрелой страны» [20]. Такое понимание провинции как «культурного ландшафта» (или социокультурного феномена) позволяет глубже понять механизмы возникновения и трансформации локальных идентичностей в ментальном пространстве современного российского социума.

При этом необходимо помнить, что социальная среда российской провинции в целом все же по преимуществу консервативна – как в позитивном понимании этого слова, так и в его негативном значении. «Однако не следует упускать из вида, что провинциальный механизм стабилизации, особенно очевидный при сопоставлении с креативным, мобилизующим началом центра, не является, да и не может быть все определяющим «вдали от шума городского». Ведь эту притормаживающую функцию, консервативную роль хранительницы традиционного, провинция выполняет в рамках большой системы» [21, с. 19], – отмечает в своем исследовании Н.М. Инюшкин.

Вместе с тем, традиционный консерватизм социокультурной среды российской провинции постоянно подвергается различного рода политическим, экономическим, социальным испытаниям. Это приводит к социальной нестабильности: «Когда общество стабильно..., социальное бессознательное дремлет в глубинах, скрытое хрупкой коркой социального сознательного – отрефлексированного, проговоренного, безошибочно идентифицируемого. Когда общественная формация начинает меняться, корка социального сознательного растрескивается и облетает, и мы сталкиваемся с обнаженным мясом бессознательного» [22, с. 36]. Эта мысль исследователя применима не только к провинции, но и к социуму в целом.

Таким образом, ситуация когнитивного диссонанса, заложенная в основе локальных идентичностей даже в условиях стабильно существующего общества, многократно усиливается социальными катаклизмами последних десятилетий. Это приводит к распаду так называемых «базовых идентичностей» [23, с. 120], которые в социокультурном пространстве провинции всегда носили более ярко выраженный характер, поскольку связаны с такими понятиями, как гражданство, национальность, цивилизационная принадлежность.

Ссылки:

1. Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004.
2. Там же.
3. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Провинции_России
4. Каганский В. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=32&article=1351>
5. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
6. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928.
7. Там же.
8. Инюшкин Н.М. Указ. соч.
9. Центр и региональные идентичности в России.
10. Там же.
11. Угорский проект: экология и люди ближнего Севера / под ред. проф. Н.Е. Покровского. М., 2008.
12. Там же.
13. Инюшкин Н.М. Указ. соч.
14. Там же.
15. Белановский С.А. Метод фокус-группы. М., 2001.
16. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М., 2006.
17. Там же.
18. Там же.
19. Крылов М.П. Региональная идентичность в европейской России: автореф. дис докт. геогр. наук. М., 2007.
20. Каганский В. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=32&article=1351>
21. Инюшкин Н.М. Указ. соч.
22. Чеснокова Т. У парадного подъезда. Хронотоп просителя в российской провинции // Нева. 2010. № 2.
23. Яковенко И.Г. Трансформация базовых идентичностей: факторы, тренды, сценарии // Социальные трансформации российской культуры / отв. ред. И.В. Кондаков. М., 2005.